

Детские дома — мыслимое будущее и зона ближайшего развития¹

Владимир Ростиславович
Рокитянский

- *дети-сироты* ● *детский дом* ● *образование*
- *персонал детских домов* ● *осмысленный труд*
- *санитарные нормы* ● *безопасность*

Я не буду возвращаться к вопросу о нужности детских домов, о том, есть ли у них будущее в России. Считаю, что ответил на него в статье «Есть ли у детского дома будущее?»², в которой также была поставлена задача и намечены векторы развития и преобразования существующих учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей. Здесь я хочу подробнее рассмотреть эти направления развития, а также факторы, от которых оно зависит, и препятствия, которые предстоит преодолеть³.

Прежде, однако, чем отвечать на вопрос о том, как, в каких направлениях нужно развивать и преобразовывать детские дома, нужно определиться с целью: чего мы хотим достичь. Я исхожу из того, что детские дома (в широком смысле слова) — это учреждения для образования и воспитания детей, и потому цель, которой они служат, — та же, что и у семьи плюс школы: *воспитание и образование нового поколения*.

По-моему, мы уже достаточно ощутили дурные последствия фактического устранения государства от управления развитием образования и воспитания, утверждения в этой области идеологии услуг, пассивным поставщиком которых оказываются при таком подходе государственные (как и частные) образовательные организации. Это касается всякого образования. Но при общности генеральной педагогической цели сиротские учреждения налагают и на само целеполагание, и тем более на пути достижения целей отпечаток своей специфики. Специфика эта состоит, прежде всего, в том, что здесь воспитываются и учатся «государевы дети», для которых государство и его представители заменили семью. В детские дома государству не

¹ Статья опубликована в 3-м номере ж-ла «Детский дом» за 2014 год.

² Рокитянский В.Р. Есть ли у детского дома будущее? // Социальная педагогика. 2014. — № 2; Детский дом. — 2013. — № 4(49).

³ Опытный материал, который я привлекаю для иллюстрации своих тезисов, получен почти исключительно в Смоленской области. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить всех, кто проявил открытость и готовность делиться своим опытом и своими мыслями — во всех областях, связанных с заботой о детях, лишившихся попечения родителей, и на всех этапах управления этой деятельностью.

нужно возвращаться, здесь оно не только оказывает «образовательные услуги», но их «заказывает». Нужно только осознать, какой результат мы хотим получить от своих образовательных усилий.

Основные векторы развития

Назову эти векторы с тем, чтобы потом обсудить каждый из них подробно:

- I. Повышение качества образования.
- II. Привлечение детей к участию в осмысленном, педагогически организованном труде.
- III. Открытие в мир и миру.
- IV. Определение каждым детским учреждением своей миссии — педагогической, культурной, социальной.
- V. Формирование сети детских домов — региональной и общероссийской.

I. Повышение качества образования

Для того, чтобы выпускники детских домов не были, как это в целом имеет место сейчас, маргинальной категорией, обречённой на пребывание в низших этажах социального пространства, они должны получать конкурентоспособное образование. Нельзя считать, что эта цель недостижима, что в решении этой задачи мы достигли потолка возможного, поскольку заведомо сделано далеко не всё. Да, в анамнезе большинства этих детей печальный семейный опыт, запущенность, дефицит внимания и заботы, травмы. Всё это — вызовы для тех, кому поручено их образовывать, но не основание отказываться от самых высоких целей. Скажу больше: опыт страдания и трудностей при определённых условиях может стать ресурсом для развития, а жизнь не в семье, а в учреждении, в детско-взрослом коллективе, вопреки распространённому убеждению — но опять-таки при определённых, педагогически продуманных и организованных условиях — включает в себе такие возможности, которые здесь можно реализовать полнее, чем в жизни семейной.

О содержании образования

Каким конкретно должно быть образование в обновлённом детском доме, нужно, безусловно, решать с учётом особенностей детского контингента и других обстоятельств (об этом ниже). Здесь я ограничусь указанием на три важнейших, на мой взгляд, составляющих, которые должны быть обеспечены всегда и везде и развитием которых необходимо озаботиться.

Это, во-первых, коррекционное, компенсирующее образование, основанное на квалифицированной и постоянно проверяемой и уточняемой диагностике. Здесь, в силу обстоятельств, которые приводят ребёнка в детский дом, оно нужно не только больным, но и относительно здоровым детям — для устранения задержек в развитии, вызванных педагогической запущенностью.

Далее, это основное образование. Я утверждаю, что образование в детских домах должно быть не просто хорошим, но элитным, по образцу ин-

тернатив прошлого — Царскосельского лицея в императорской России, физико-математических школ советского времени или иезуитских училищ в Западной Европе. Откуда такой императив? Ну, во-первых, я здесь согласен с Ф.М. Достоевским, который писал в «Дневнике писателя», что хорошо бы дать сиротам за государственный счёт высшее образование (а значит, и подготовить к нему), чтобы отчасти возместить им перенесённое несчастье потери родителей. А во-вторых, если государство, казённое учреждение не в состоянии вполне заменить ребёнку любящих родителей, то оно может обратиться на его образование и воспитание всю мощь государственных ресурсов.

Здесь, наверное, возможны варианты, но лично я не знаю ничего лучше (а в этой ситуации тем более) учебных программ, нацеленных на развитие способностей, которые разработаны в школе мыследеятельностной педагогики, основанной на идеях Г.П. Щедровицкого и В.В. Давыдова⁴. Эта педагогика включает в себя не только методики развития способностей, но и диагностические методы, позволяющие отслеживать развитие. Такая диагностика применима и в отношении детей с отклонениями в развитии, позволяя, наряду с дефектами, выявлять и зоны особой (скрытой) одарённости, развивая которые можно открывать для этих детей неожиданные жизненные перспективы.

Третья составляющая — это художественное и музыкальное образование и воспитание. Оно нужно всем — не для того, чтобы отбирать потом единицы для профессионализации в искусстве, а чтобы красиво жить, мыслить и действовать. Для больных детей — это ещё и терапия.

Программы, методики художественного и музыкального воспитания, рассчитанные на массовое применение в детских садах, школах и семьях — а значит, и в детских домах, — существуют⁵, и их нужно вводить в детские дома.

Уже и сейчас в этих учреждениях достаточно широко распространены занятия разнообразными художественными ремёслами. Меньше — то, что связано с современной техникой — фотография, анимация, компьютерный дизайн...

Но речь не только о специальных занятиях. Воспитывают не только люди, воспитывает среда, в которой живут дети, — интерьер и внешний облик зданий, планировка дворов, окружающий ландшафт. Что-то решается размещением детского дома, что-то профессиональным искусством дизайнеров среды. Может быть, к обустройству территории детского дома можно привлекать самих воспитанников (под руководством профессионала), совмещая эту работу с их художественным воспитанием.

Это о визуальной среде. Но есть ещё среда звуковая — побудки, музыка, в том числе перед сном. Пение птиц и голоса домашних животных, шумы — воды, ветра... Всё это мо-

⁴ См. книги серии «Мыследеятельностная педагогика» (авторы Ю.В. Громыко и др.), изданные «Пушкинским институтом».

⁵ Например, программа «Каждый ребёнок музыкант» (см. пособия одноимённой серии: Т.А. Рокитянская «Воспитание звуком»; Л.А. Басурманова и Т.А. Рокитянская «Гусли», «Песня на все случаи жизни» и др.).

жет если не проектироваться, то учитываться. Слушание, вслушивание, как и пение и игра на музыкальных инструментах, должны бы стать естественной составляющей повседневной жизни детского дома.

Подготовка персонала детских домов

Поставив цель радикального повышения качества образования, мы должны ответить и на вопрос: кто это будет делать? Мой личный опыт общения с нынешними работниками детских домов, воспитателями и учителями, говорит мне, что это люди, в большинстве своём заслуживающие уважения. Они любят своих «трудных» детей, стараются дать им возможно больше такого, что им пригодится в последующей жизни. Но тот же опыт показывает, что большинство работников интернатов разделяет существующее в обществе представление об ограниченных возможностях этих детей, о существовании социального потолка, выше которого большинству из них не подняться. Очевидно, что изменить эту ситуацию можно, только что-то изменив в подготовке этой категории педагогов и в организации и содержании повышения их квалификации и переподготовки.

Специальной подготовки учителей и воспитателей детских домов, насколько мне удалось выяснить, в России не существует. Персонал этих учреждений набирается из выпускников тех же вузов или средних образовательных учреждений (педагогических колледжей), которые заканчивают работники обычных школ и детских садов. Директора, номенклатура губернаторов, не всегда имеют педагогическое образование, восполняя этот дефицит за счёт опыта и повышения квалификации. В Смоленской области воспитатели и учителя сиротских учреждений — это обычно выпускники Смоленского государственного университета (СмоЛГУ) или педагогических колледжей Смоленска и Гагарина. Из обсуждений этой темы в самих интернатах и с руководством СмоЛГУ я увидел три основных проблемы.

1. В интернатах (например, в Кардымове) говорят о нехватке квалифицированного персонала, о его старении и малом притоке молодёжи. Причём тут же называют и причины, они на поверхности: невозможность обеспечить молодого специалиста жильём рядом с работой и невысокая зарплата, не позволяющая жильё снимать. Это — проблема общей социально-экономической ситуации в стране, утвердившегося в ней отношения к образованию.

2. Руководство СмоЛГУ (первый проректор Н.П. Сенченков) считает вполне возможным выделение специальной магистерской программы для этих учреждений (речь шла, прежде всего, об учреждениях коррекционных), но считает это осмысленным только в случае гарантированного трудоустройства. С сожалением вспоминаются времена, когда существовало обязательное распределение, с одной стороны, дававшее такую гарантию, с другой — противодействующее такому злу, как отток молодых специалистов в близлежащую Москву.

3. Что касается содержания подготовки, то, не изучив программ, я не могу выносить суждение об их качестве. Отмечу только: не встретив ни в од-

ном из учреждений, которые посетил, следов применения передовых педагогических методов (речь о них шла выше), могу предположить, что им и не учат.

Последнее, полагаю, поправимо — в большей мере, чем ситуация с жильём и зарплатой.

Повышение квалификации персонала детских домов

То, чему не научили при получении основного образования, восполняется переподготовкой (при необходимости) и повышением квалификации (как общее требование Закона «Об образовании в РФ»). Повышение квалификации и переподготовка персонала детских домов (как и всех работников образования) производится институтами повышения квалификации (в Смоленской области он называется «Институт развития образования», а, скажем, в Москве «Московский институт открытого образования», чем акцентируется наличие ещё и научно-исследовательской составляющей в их деятельности). На общероссийском уровне эту работу ведёт Академия повышения квалификации и переподготовки работников образования в Москве. Если судить по более знакомой мне Смоленской области, то в повышении квалификации детдомовских работников (в форме консультирования) участвуют также психолого-медико-педагогические комиссии и службы сопровождения детей, оставшихся без попечения родителей. Не беря на себя ответственности оценивать их работу, я всё же хочу выделить одну её сторону, которая привлекла моё внимание в беседах с руководителями этих организаций. Все они с гордостью сообщали мне, что работают *по запросам самих практиков*. Сначала их анкетируют, выявляют трудности и по результатам составляют программу повышения квалификации — всякий раз свою. И это звучит убедительно: учить практика тому, в чём он испытывает нужду.

Но есть и другая сторона. Если речь идёт о том, чтобы устранить недостатки в функционировании, преодолеть трудности и сбои, то всё правильно. Но если ставится цель расширить его горизонты, представления о том, что нужно ему, доверенным ему детям и его делу, то этого недостаточно. Это не означает, что нужно принудительно давать ему то, что нужно для его развития (притом, что он сам не знает об этом) — хотя и такое нельзя исключать, — но постановка цели развития предполагает активную позицию со стороны тех, кто учит учителей и воспитателей. Им надо суметь донести до сознания персонала детских учреждений знания о том, что нужно для их развития и представления о ценности развития, мотивировать к овладению новыми средствами. Они сами должны быть педагогами.

II. Участие в осмысленном труде

Посильный, осмысленный и потому интересный, дидактически содержательный труд есть замечательное средство воспитания. Именно в условиях труда человек лучше всего научается ставить цели и добиваться их осуществления, организовывать свои действия, принимать и разделять с другими ответственность, общаться и сотрудничать — то есть приобретает все те качества и способности, отсутствие которых как раз и харак-

теризует выпускников современных детских домов и интернатов, из которых ушёл труд.

Прежде всего, конечно, на ум приходит труд сельскохозяйственный, земледелие и животноводство; такой труд ещё не так давно был широко распространён в наших детских учреждениях, которые имели свои сады, огороды и стада крупного и мелкого скота. Педагогические приобретения такого труда общеизвестны: физическое оздоровление, любовь ко всему живому, экологическое сознание, эстетическое чувство, привязанность к родной земле. В сельских районах приучение к нему и овладение нужными для него знаниями и навыками может быть начальной профессиональной подготовкой для тех воспитанников, которые и взрослыми будут жить на селе. Наверное, сельскохозяйственному труду вообще нет альтернативы для детей с некоторыми видами физических и психических недостатков. Кроме того, вовсе не обязательно оставаться при архаических формах сельского хозяйства; это вполне может быть высокотехнологичное производство, насыщенное последними достижениями агрономии и биологии, что повысило бы его дидактическую ценность.

Но, конечно, сельское хозяйство — не единственная область возможного участия детей в труде. Наряду с ним, а в городских условиях вместо него, могут быть самые различные виды детско-взрослого (то есть детского при направляющем и обучающем участии взрослых, профессионалов) производства, технического, научного и художественного творчества. Выбор конкретного вида деятельности может осуществляться с учётом возможностей и склонностей детей, наличия или возможности привлечения профессионалов для обучения, партнёрских отношений детского дома с производственными организациями, социально-культурных особенностей региона.

Ещё недавно, повторяю, в Кардымове, Сафонове и других интернатах Смоленской области дети работали на земле и возились с животными. Они во многом питались от плодов рук своих и могли продавать их, научаясь обращению с деньгами — тому самому, чего по выходе из интерната не умеют сейчас. (Тут кстати вспомнить ещё и агрошколу А.А. Католикова в Республике Коми, где существовал свой банк и ходили внутренние деньги, агрики, да и общероссийские деньги попадали в руки воспитанников, которые могли их тратить во время многочисленных экскурсий.) Почему это во многих местах исчезло? Кому помешало? Что мешает заводить при детских домах хозяйство и вовлекать детей в труд?

Насколько мне удалось понять, основных причин три:

1. Диктат санитарных норм. Плохи, как удалось понять из расспросов детского персонала, не сами требования санитарии и гигиены — все понимают необходимость контроля условий труда и качества питания, — а то, как обременительно это сейчас организовано. Я был и в интернате, где с этой трудностью справляются, в Ново-Никольском доме-интернате для умственно отсталых детей и инвалидов молодого возраста. Там большое стадо и разнообразное земледелие, пасека. Дети (а они там «дети» до

35 лет) ухаживают за телятами, доят коров, копаются в земле, косят траву и т.д. Продукцию же они в полном согласии с нормативами возят в санэпидемстанцию, получают все необходимые документы и со спокойной душой отдают в столовую для приготовления пищи. При таком большом хозяйстве и таких количествах продукции это оказывается приемлемо. Иное дело, скажем, реабилитационный центр «Вишенки», где небольшая теплица, возить собранную там продукцию на санитарный контроль накладно (в смысле затрат как времени, так и денег). Жаловались на сложность процедуры и в других детских учреждениях.

Обдумывая сложившуюся систему, я увидел за ней очень типичную для нашего государства тенденцию: все проблемы решать исключительно одним способом — создать запрет (лучше с перебором для надёжности), следить за его соблюдением (лучше, обязав контролируемого самого являться с отчётом, чтобы меньше утруждать контролёра) и наказывать за нарушение. Не помогать, а контролировать и наказывать. Двигаясь в противоположном направлении, можно было бы, на мой взгляд, рассмотреть такие возможности:

— замену, где можно, контроля готовой продукции контролем условий производства, что могла бы делать санэпидемиологическая «миссия» на месте;

— передачу части контрольных функций медработникам детских домов — получивших дополнительную квалификацию и снабжённых необходимыми приборами;

— поездки санэпидемгрупп по детским домам — не только для контроля, но и для консультирования и обучения как персонала, так и детей.

Но всё это возможно и обсуждаемо, если признать, что персонал детских домов заинтересован — и просто по-человечески, и по причине наложенной на них ответственности — в сохранении всех детей здоровыми (вроде бы не слишком нелепое предположение).

2. Вторая причина — идиотически, иного слова не подберу, толкуемый запрет на эксплуатацию детей, на детский труд. Он, кстати сказать, иногда распространяется даже на самообслуживание, когда детям втолковывают, что они вправе отказаться убираться в своей спальне, поскольку это нарушает их права...

3. Третья причина — особенности нашего налогообложения. Ограничусь одним примером: воспитанник детского дома, желающий заработать карманные деньги в летнее, внеучебное время (это нетрудно организовать с помощью центра занятости, и для семейных подростков такая практика хорошо отлажена организацией «Смоленские дворы»), теряет причитающуюся ему как сироте пенсию за всё время, пока он работает. Невыгодно.

Стоит поработать над тем, чтобы вернуть труд детям, — отказаться от заведомых глупостей, упростить слишком сложное, привести нормативы в соответствие с учебно-воспитательным назначением детского дома.

III. Открытость в мир и миру

Много говорится о закрытости сиротских учреждений, о «бетонной стене», которой общество отгородило этих детей от мира и себя от них. Детские дома иногда даже уподобляют тюрьмам и лагерям и возводят их родословную к ГУЛАГу. Такое изображение детских домов злобно и несправедливо, но какую-то частицу правды оно передаёт. Детдомовские дети, действительно, больше ограничены в возможностях перемещения и в осуществлении личной свободы — в сравнении с их ровесниками, живущими в семьях. Почему так?

Решающую роль здесь играет то, что можно назвать «диктатом безопасности». Прежде всего, физической безопасности. Директор детского дома отвечает за жизнь и здоровье каждого воспитанника. Как ему отпустить ребёнка (даже если ребёнку 16 – 17 лет) куда-то одного? А если, не дай Бог, убьют или покалечат? Такое может случиться и в семье, но там это — горе, а здесь ещё и преступление, за которое директор понесёт ответственность. Я знаю директоров и воспитателей, которые всё равно идут на это, понимая, что свободу и самостоятельность человеку нужно предоставлять по мере его взросления, но давление диктата безопасности всё равно присутствует.

Есть ещё один фактор закрытости: стремление ограничить контакты детей с внешним миром, с «улицей», которое присуще всякому учреждению, решающему особые педагогические задачи и стремящемуся решать их без внешних помех. Это свойственно любому элитарному интернату типа суворовских и нахимовских училищ, кадетских корпусов, интернатов для одарённых детей, сходный мотив может присутствовать и в сиротском учреждении. В одном интернате директор не допускает контактов своих воспитанников с «семейными», хотя они могли бы общаться в расположенном по соседству доме детского творчества — «плохому научат». Чаще, впрочем, стена возводится с другой стороны: родители боятся общения своих детей с детдомовскими, о которых идёт дурная слава, и препятствуют этому.

Я много обсуждал этот «диктат безопасности» и с работниками интернатов, и с чиновниками. В итоге, честно признаюсь, не знаю, можно ли совсем от него избавиться, полностью уравнивать в этом отношении «государевых детей» с семейными. Наверное, нет — как невозможно и полностью воспроизвести в детском учреждении подлинно семейные отношения. Можно лишь культивировать здоровое, разумное отношение к безопасности, устранять крайности режима и умело пользоваться современными средствами связи и контроля, такими, как сотовые телефоны (что и делают многие руководители и воспитатели).

Но это не означает, что нужно отказываться от принципа и цели открытости: «государевы дети» должны жить в одном мире с нами — том самом, в котором им предстоит жить после выпуска.

Назову те направления, в которых, на мой взгляд, возможен и нужен рост взаимной открытости детского дома и внешнего ему мира.

1. Совместное обучение. В этом отношении детский дом, чьи дети учатся в обычной школе, как правило, лучше, чем школа-интернат. Как правило (но не всегда), потому что у интернатов (где дети и живут, и учатся) могут быть преимущества, связанные со специальными образовательными задачами; но в этих случаях в самом интернате могут вместе учиться семейные дети и сироты, как это и бывает, например, в военных училищах. (Особый вопрос, остающийся за рамками этого обсуждения, — об инклюзии, совместном обучении здоровых детей с детьми-инвалидами.)

2. Совместный труд. Большие возможности для общения разных категорий детей между собой и детей со взрослыми предоставляют коллективный труд, коллективные творческие занятия. Знакомство с тем, как обстоят с этим дела в Смоленской области, показало: несмотря на то, что в столице области и в районах есть множество мест для коллективной деятельности детей (дома детского творчества, детские клубы, туристические центры и т.д.), они практически не охватывают своей деятельностью сиротские учреждения, у которых свои мастерские, свои экскурсии, свои досуговые занятия. Встречаются те и другие только на общих конкурсах.

Участие смоленских предприятий в жизни детских домов, если и есть, то сводится к благотворительности, мало что меняющей в жизни и судьбах детей — тогда как это огромное поле возможной детско-взрослой деятельности, включая выращивание предприятиями для себя будущих работников из воспитанников детских домов. Мне известен один пример-исключение — сотрудничество смоленского детского дома «Гнёздышко» с парикмахерами.

Летний труд старших воспитанников для заработка, о котором и о трудностях его организации шла речь выше, также связан с преодолением закрытости: выход в «мир» предполагает наличие у воспитанника карманных денег, а такая статья в бюджете не предусмотрена...

3. Одно из печальных проявлений социального сиротства (оно, кстати сказать, не только не устраняется, но даже усиливается при устройстве в приёмные семьи) — это *разрыв родственных, родовых связей*. Допустим, мы признаём за благо разрыв с дурными родителями, алкоголиками и наркоманами, которые сами сделали этот разрыв неизбежным (хотя и здесь не всегда и не всё так однозначно), но что ж хорошего в том, что ребёнок теряет связь с роднёй и с предками, память о которых могла бы его поддерживать? Здесь кстати вспомнить о таком явлении, как побеги — один из показателей, по которым судят о качестве работы интерната. В смоленском УВД мне сообщили, что примерно половина побегов — к родственникам. Так, может быть, нужно как-то наладить организованное с ними общение? И — другая сторона — может быть, в рамках краеведения или где-то ещё выделить время на изучение детьми своей родословной, истории рода?

4. Детский дом и его окружение. Как на один из пороков детдомовского воспитания указывают на то, что там растят потребителей. Запомнился разговор с пятнадцатилетним воспитанником одного из интернатов,

который на вопрос, хорошо ли ему здесь, со вполне взрослыми интонациями («в спокойствии чинном» — «Крестьянские дети» вспомнились по контрасту) ответил: «Всё нормально здесь. Одежда, питание. Плюс деньги идут на книжку. Что тебе необходимо, здесь всё дадут. Ты ни за что не платишь, ты, как это сказать, на гособеспечении». Кто-то приходит к пониманию, что это не на всю жизнь, а кто-то так и остаётся в ожидании, что все вокруг обязаны ему помогать. Это всё общеизвестно. Но ведь не обязательно же время, остающееся от учёбы, тратить только на игру, кружки и праздники. Можно ведь и делать что-то для окружающего мира — например, помогать старым и больным в близлежащих кварталах или деревнях, как «тимуровцы» советского времени. Да много чего можно придумать в качестве «причинения добра». Чтобы ребёнок увидел, что он может не только получать, но и давать, и что это не менее увлекательно.

А немного отпустив на волю воображение, можно представить себе хороший детский дом как культурный центр или «градообразующий фактор» района.

5. Ну и в завершение можно указать на возможную «открывающую» роль контактов с выпускниками разных лет, которые, возвращаясь «домой», приносят сюда опыт, приобретённый ими в «большом мире». Это хорошо и для отдельного детского дома, но хороша и родившаяся в Смоленской области идея создать общество выпускников всех сиротских учреждений области.

IV. Миссия детского дома

Слово «миссия» звучит несколько велеречиво, но это — очень точное обозначение того, что я хочу сказать: назначение, то, ради чего учреждение существует и что определяет его специфику, внутренние цели и место в окружающем мире.

Говоря о миссии, о разных миссиях разных детских домов, я опираюсь на всё сказанное ранее о направлениях развития: чем разнообразнее деятельность детского дома, тем более богата, многомерна и своеобразна его миссия. Многим ли различаются современные сиротские учреждения? Тем, детский ли это дом или школа-интернат; для здоровых детей или коррекционный, а если коррекционный, то какого из восьми видов; количеством и возрастом детей; местоположением (но при отгороженности от окружения, сказывается ли оно на том, что в доме происходит?). И при всех этих различиях — одинаковые учебные программы (с поправкой на коррекционность), однотипное штатное расписание, более-менее сходный набор мастерских и кружков, не слишком большое архитектурное разнообразие.

Если же теперь заново пройти по рассмотренным выше направлениям развития, становится видно, сколь разнообразными могут быть «лица» детских домов. Прежде всего — различные *модели выпускника* — в зависимости от диагностируемых возможностей детей, от возможно-

стей, предоставляемых местоположением, персоналом, партнёрскими связями, проектного воображения руководства, персонала, детей. Различные образовательные программы и применяемые образовательные технологии. Различный по содержанию и формам организации труд. Различные наборы внешних связей (скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты). Различия в социокультурной роли в отношении окружающего пространства.

Осознание своей миссии персоналом и воспитанниками — условие успешного функционирования детского дома и его развития.

V. Формирование сети детских учреждений

Именно своеобразие каждого детского дома, наличие у него особой миссии ставит вопрос о том, что они могут дать друг другу, о возможности и плодотворности сетевых контактов и взаимодействий между ними. Рано, по-видимому, говорить о конкретном содержании такой сетевой кооперации — до того как будут определены программы развития отдельных учреждений или, по меньшей мере, разработана их обобщённая типология. Но уже сейчас можно сказать, что детские дома региона могут обмениваться между собой всем, чем богаты, — детьми, которые могут гостить друг у друга, расширяя свой кругозор и участь новому, персоналом, который может учить коллег из других домов и учиться у них, партнёрскими связями, продуктами своего творчества.

И нет принципиальных оснований замыкать сеть в пределах региона — связи могут быть и общероссийскими, и мировыми. И охватывать сеть может не только сиротские учреждения; в соответствии с императивом открывания детских домов миру, она может распространяться и на другие пространства мира детства, мира в целом.

Как и с чего начинать

Нарисованная картина выглядит утопической. Я и не уверен, что всё желаемое осуществимо в масштабах страны в предвидимое будущее. Но попробуем начать.

Предполагается, что организуемый в настоящее время проектно-исследовательский центр «Дом детства» будет вести работу в следующих трёх основных направлениях:

- 1.** Разработка типологии учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, — или же общих как для них, так и для семейных детей. Эта разработка будет вестись на основании изложенных выше принципов — как их разворачивание и конкретизация.
- 2.** Встречное движение: разработка программ развития конкретных учреждений с учётом особенностей их детского контингента (диагностика способностей), состава и квалификации персонала, его готовности к изменениям, характеристик и возможностей места, партнёрских связей,

предыдущей истории и имеющихся уже накоплений (материальных, технологических, культурных)⁶.

3. Анализ системы сиротского устройства в целом и, шире, семейно-детской политики с целью выявления существующих в этой области разрывов и точек возможного развития. Последнее направление мы считаем необходимым, потому что опыт и теоретические соображения показывают: любая попытка что-то менять в детских домах с неизбежностью выводит за пределы этих учреждений — в такие области, как работа с неблагополучными семьями, семейная политика, система образования, причём всех уровней, подготовка педагогов и т.д. и т.п.

Работая с частью, необходимо удерживать мыслью целое.

⁶ За время, прошедшее после написания и первой публикации этой статьи, произошли важные события: осуществлено масштабное исследование жизни и деятельности четырёх школ-интернатов Смоленской области — Сафоновской, Кардымовской, Ярцевской и Демидовской (две последние — коррекционные). Исследовательская группа, в которую кроме меня вошла К.А. Кузнецова, вместе с выделенными нам в помощь студентами-практикантами Смоленского государственного университета, по неделе провела в каждом из интернатов — мы тестировали воспитанников, беседовали с персоналом, изучали производственное, культурное, образовательное окружение. В этой работе мы опирались на опыт аналогичной работы, проделанной весной 2005 года коллективом НИИ инновационных стратегий общего образования по исследованию детских домов и разработке программ их развития в городах присутствия ГЭС Волжско-Камского каскада. Материалы того исследования, а также ряд диагностических методик были предоставлены нам О.И. Глазуновой. Результаты октябрьского исследовательского «марафона», после обработки и осмысления, будут опубликованы.